

Характерно, что от сношений Византии с султанатом почти не сохранилось документов официального характера. Сведения об этих отношениях мы черпаем у историков и хронистов. Думается, что это не случайно. При том правоотношении, которое существовало между византийским императором и турецким султаном (законный государь и его «майордом», «отец» и «сын»), связи между ними не могли регламентироваться при помощи таких строго оформленных договорных актов, как, скажем, знаменитые договоры Византии с Венецией и Генуей (хотя и в них, несмотря на усиление элементов двусторонности, структура жалованной грамоты не изживается до конца: документ составляется от имени императора, ясно просматривается стремление представить статьи договора как благо для адресата, оригинал подписывается императором пурпурными чернилами и снабжается вислой золотой печатью). Отношения между императором {359} и султаном, по-видимому, регулировались скорее обычным, чем договорным правом. Тем не менее даже по сообщениям хронистов и историков можно судить о качественном изменении в отношениях между императором и султаном с воцарением Мурада II. О все усиливавшемся крушении духовной супрематии византийского императора свидетельствует и тот факт, что для узаконения нового византийского императора Константина XI (1449—1453) потребовалась санкция султана; 6 декабря 1443 г. к Мураду II отправился Георгий Сфрандзи с просьбой о признании Константина в качестве императора⁵⁷.

И тем не менее идея империи и вселенского императора, из которой до конца исходила и византийская дипломатия, до самого последнего часа жила в сознании византийцев. Лебединой песней этой идеи является преисполненный трагизма ответ Константина Палеолога Мехмеду II Фатиху на его ультиматум в мае 1453 г.: «Император готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли; город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может передать император — лучше умереть»⁵⁸.

Дипломатия Византии сделала все возможное и невозможное, чтобы, опираясь на свой тысячелетний опыт, продлить существование империи. Отчасти ей это удалось, и не вина византийских дипломатов в том, что в конце концов решающую роль должны были сыграть не искусные речи послов и политиков, а грохот пушек, сокрушивших стены Константинополя. {360}

15

Естественнонаучные знания в палеологовский период

Естественные науки, отражавшие представления византийцев об окружающем их мире, составляли органичную часть культуры того времени. Они в полной мере запечатлели идеи своей эпохи, питались ее религиозными, нравственными, экономическими и политическими воззрениями. Общий подъем культуры и образованности, ярко выраженная Феодором Метохитом новая концепция умственного труда, определяющая его как высшую форму наслаждения, необыкновенная активность поздневизантийских интеллектуалов — все это в течение нескольких десятилетий привело к подлинному «научному ренессансу», возрождению и расцвету математических и естественных наук, знание которых казалось уже утерянным в период латинского завоевания¹. Это время было особенно благоприятным для рецепции античного наследия: никейский период существования империи стимулировал греческий патриотизм и во многом подготовил подъем интеллектуальной жизни².

⁵⁷ Dölger. Reg. N 3519.

⁵⁸ Ibid. N 3554.

¹ Общий очерк истории византийской науки см.: Vogel K. Byzantine Science // The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1967. Vol. 4, pt. 2. P. 264—305.

² Hunger H. Von Wissenschaft und Kunst der frühen Palaiologenzeit // JÖBG. 1959. Bd. 8. S. 125—137.